

племенного шовинизма. Эти черты дѣлают из калмыка воспримчивый сосуд для любой современной культуры.

До настоящего времени культура европейская, представленная русской культурой, проникла в калмыцкую степь еле замѣтной струей, в видѣ немногочисленных школ грамоты и школ низшаго типа вообще.

В новых условіях послѣреволюціонной жизни просвѣщеніе народа должно быть поставлено на новую ногу. Интересы національно-культурнаго и національно-экономическаго развитія должны лечь в основу постановки просвѣдительнаго дѣла. Категоріи и типы школ в первом направленіи болѣе или менѣе извѣстны.

Болѣе трудным и новым представляется вопрос о распространеніи спеціальной отрасли знанія, необходимаго для поднятія улучшенія народнаго хозяйства степнаго скотоводческаго типа во-первых, и для культивированія новых видов хозяйства, способных привиться в мѣстных условіях, во-вторых. В нѣкоторых уголках степи были попытки разведенія виноградарства, бахчеводства и т. д.

Таковыми представляются нам вѣхи внутренняго развитія жизни Калмыцкаго народа. На путях этого развитія, как одна из главных форм ея, стоит вопрос о національной калмыцкой литературѣ, письменности и языкѣ. Болѣе подробно об этом надлежит остановиться в другом мѣстѣ. Мы в настоящем не задаемся цѣлью подробнаго указанія всего того, что предстоит

ввести в новой жизни ближайшаго будущаго. Мы намѣчаем только вѣхи, перспективы. Калмыцкій народ, как одно из основных звеньев Монгольскаго племени, имѣл свое богатое прошлое. В періодѣ своего расцвѣта он проявил колоссальную волевою мощь и дисциплину духа. Только благодаря этому національному свойству он в состояніи был покорить многомилліонные народы Азии и Европы и создать государство единственное по своему размѣру в міровѣ исторіи.

Поэтому, как ни скромно его настоящее, при правильном и вдумчивом направленіи его политической и культурной жизни нѣтъ мѣста ни скептицизму, ни сомнѣнію. Единственной необходимой предпосылкой для этого является с одной стороны справедливое разрѣшеніе основы народнаго хозяйства — земельного вопроса, а с другой — правильная постановка дѣла народнаго просвѣщенія.

Все силы калмыцкой интеллигенціи должны быть отданы работам в этих двух направленіях. Калмыцкая интеллигенція в своей трудной работѣ должна черпать вѣру и пафос в своем прошлом, любовно изучать это прошлое, дорожить им и стремиться быть достойным этого прошлаго и стараться поднять настоящее на высоту соотвѣтственно исторической эпохѣ.

В этом нам представляется историческая миссія калмыцкой интеллигенціи; в этом же заключается залог достойнаго будущаго его роднаго народа.

Санджи Баянов.

СТЕПЬ.

О степь, жемчужная, безбрежная,
Подруга тайная, любимая!
Близка ты мнѣ, как пѣсня нѣжная,
Как брат, сестра, как мать родимая...

— Одѣта ли парчею бѣлою,
Иль зеленѣет грудь широкая,
Всегда — тиха и одинокая,
И дивны рѣчи твои смѣлыя.
И в час великаго страданія,
Когда терзает грусть упорная,
К тебѣ спѣшу я на свиданіе —

Открыть души сомнѣнья черныя.
И сердце, что молитв созвучія
Полно, обнять всю землю проситея,
И плачу я, и плакать хочется
Перед лицом твоим, могучая.
А ты глядишь при звѣзд мерцаніи
На Божій мір невѣстой райскою,
И мнитея мнѣ: в твоём молчаніи
Есть власть, и мощь, и гордость царская.

И. Странник. (П. П. Ф.)

Большевики и монгольскія племена.

Кто слѣдит за газетами, вѣроятно, читал, что при проведеніи коммунистической революціи в Китаѣ большевики пользуются дорогой Урга — Калган, провоза на автомобилях необходимые для устройства революціи предметы. Точно так же публика должна помнить эпизод борьбы большевиков с извѣстным бароном Уригерном Штернбергом, устроившим свою базу для борьбы с совѣтской властью в Монголіи. Этого барона отлично помнит Монголія, ибо он в извѣстный період освободил ее от китайской власти. Благодаря сообщеніям извѣстнаго путешественника Козлова, о Монголіи стали знать и широкіе круги Европы и интерес к ней пробуждается все болѣе. Монголами и в особенно-

сти их безсмертным гениальным Императором Чингис-Ханом серьезно заинтересовалась русская публика в связи с появленіем, так называемаго, «евразійскаго» ученія.

Нѣтъ сомнѣнія, что народ, нѣкогда сумѣвшій создать величайшую в мірѣ Имперію, давший величайших и непобѣдимых полководцев, именем своим прогремѣвшій на весь мір, не может не вызывать интереса. Кто из мало-мальски развитых людей не знает имени «монгол».

Но давно распалась и умерла Имперія Монголов и из могучих и гордых завоевателей міра и властителей его, они надолго стали смиренными подданными Китайской Имперіи, распавшейся на много частей, утерав національное един-

ство, силу, все болѣе и болѣе подпадая не только под политическую кабалу китайцев, но и экономическую. Монголы задыхались в тенетах задолженности китайскому кушцу.

Казалось, что окончательно погиб монгол, ибо и земли его все болѣе и болѣе захватывались китайцами. В главных городах Монголіи — Ургѣ, Улясу-атѣ, Кобдо все прочіе и прочіе осѣдали китайскіе кушцы, китайскіе чиновники, мастеровые. К этим факторам в послѣднія десятилѣтія прибавились русскіе кушцы и русскіе захватчики лучших монгольских земель.

Но послѣ трех вѣков пребыванія под чужеродною властью Монголія, вспомнив свое великое прошлое, снова поднялась на борьбу за свою независимость.

18 ноября 1911 года Урга провозгласила независимость Монголіи от Китая и 16 декабря того же года Ургинскій Богдо-Геген был возведен на престол Главы Монгольского Независимаго государства. К ургинскому національному движенію присоединились другія части Монголіи: 16 декабря сдал оружіе Улясу-атскій Цзянь-цзюнь (китайскій ген. губернатор), 2 января 1912 года подняли возстаніе баргуты, а в августѣ был взят штурмом город Кобдо. Сѣверная Монголія была свободна, независима.

Нужно имѣть в виду, что в процессѣ своего распада и потери независимости Монголы разбились на три части: Сѣверная или Внѣшняя (Ики-Монгол, как говорят калмыки), Южная или Внутренняя и Западная или Ойраты.

Китайское Правительство не хотѣло помириться с потерей Монголіи и под незначительным предлогом в концѣ 1919 года снова военными силами заняло ее. Но монголы не захотѣли с этим примириться. Им помог вышеупомянутый барон Унгерн Штернберг. Он выгнал китайскія войска из Монголіи и снова вернул ей независимость. На этот раз Монголы, видимо, болѣе прочно утвердили свою государственность.

Но вмѣсто китайских гарнизонов появились совѣтскіе, послѣ того, как совѣтская армія одержала побѣду над упомянутым бароном. Большевики говорят, что они «идя навстрѣчу желанію монгольского народа, приняли участіе в ликвидаціи бѣлогвардейских банд на территоріи Внѣшней Монголіи». Пусть читатель сам судит, насколько правду говорят большевики.

Как бы предупреждая о своих честных и искренних намѣреніях, в августѣ 1919 года Совѣтское Правительство выпустило особый манифест к Монгольскому народу. В этом манифестѣ говорилось: «Русскій народ отказался от всѣх договоров с японскими и китайскими правительствами относительно Монголіи. Монголія есть свободная страна. Русскіе совѣтники, царскіе консулы, банкиры и богачи, державшіе силой и золотом в своих руках Монгольскій народ и выжимавшіе из него послѣдніе соки, должны быть выгнаны из Монголіи. Вся власть и суд в странѣ должны принадлежать Монгольскому народу. Ни один иностранец не вправѣ вмѣшиваться во внутренніе дѣла Монголіи... Совѣтское Правительство, громогласно возвѣщая об этом Монгольскому народу, *предлагает немедленно вступить* в дипломатическія сношенія с русским народом и *выслать навстрѣчу*

Красной Арміи посланцев свободнаго Монгольского народа». (Курсив мой. Н. Б.)

Не имѣющая своей подготовленной арміи, еще слабое новое Монгольское Правительство, конечно, «немедля» выслало навстрѣчу Красной Арміи посланцев. 2 ноября 1921 года было подписано соглашеніе между представителями Монгольского Правительства и Совѣтскаго о взаимном признаніи.

Мы, калмыки, естественно всегда живо интересовались судьбой Монголіи. Она для нас была и есть страна совершенно родственная, братская и всегда являлась страной благочестиваго паломничества. Ургинскій Хутукта являлся третьим почитаемым обожествляемым лицом послѣ Далай-Ламы. Богословскія Академіи Монголіи являлись таковыми же и для нас. Урга являлась почти таким же центром образованности нашего буддійскаго духовенства, как для мусульман всего міра Каир. Всякое лицо, явившееся из Монголіи, было у нас желанным и почетным. В Ургѣ получилъ высшее духовное образованіе не одно выдающееся духовное лицо у калмыков. Имена монгольских и калмыцких Ханов, Хун-Тайджи фигурируют вмѣстѣ в наших пѣснях и преданіях. Когда пришли черные дни большевизма, в умах калмыков снова воскресла идея о нашей древней Родинѣ Джунгаріи, о братской Монголіи. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы это даже в слабой степени было возможно, ничто не удержало бы калмыков и они ушли бы туда. В тѣх рѣдких случаях, когда судьба сталкивала монгола с калмыком, послѣдній всегда искренне братски относился к первому.

Имя великаго Монгольского Императора Чингис-Хана является нашей общей гордостью и вселяет вѣру и надежду, что настанет время, когда имя монголов еще всплывет в мірѣ, но уже не в качествѣ грозных завоевателей, а как член и сотрудник цивилизованнаго человечества.

Но потому то мы с особым вниманіем и живым интересом слѣдим за судьбой различных монгольских народов, племен: успѣх и процвѣтаніе каждаго из них рождает в нас бодрость, поднимает нашу вѣру в свѣтлое будущее каждаго нашего племени, как и неуспѣх глубоко нас огорчает и вызывает тревогу за настоящее и будущее наших народов.

Потому то мы без ужаса и проклятія не можем вспомнить, что большевики сдѣлали над Калмыцким народом на Дону и потому то нас занимает, как на путях коммунистической восточной политики преломляется большевиам у других монгольских племен и в частности у монголов.

Выше мы писали, как, «идя навстрѣчу желанію Монгольского народа», большевики своими войсками заняли часть его территоріи и в частности оккупировали столицу Монголіи. Так было в 1918—20 г.г. Положеніе в настоящее время нам менѣе извѣстно.

Но вот на что хотѣли бы обратить вниманіе наших читателей. Проводником европеизма и идеи возрожденія монгольского народа, как и других монгольских племен в Азіи, в значительной степени (почти главным образом)

является бурятская интеллигенция. Ея роль является благодарной исторической миссией и работа ея не может быть переоценена. Нужно пожалеть, что такая же роль не выпала на долю калмыцкой интеллигенции в отношении наших братьев — азиатских калмыков.

Но некоторые мотивы и черты бурят-культуртрегеров в работѣ их на широких просторах Центральной Азии должны быть предметом особеннаго вниманія всѣх, кто дорожит судьбой наших единоплеменников и единовѣрцев в Азии. Эти черты в работѣ не чужды и калмыцким работникам в Калмыцкой Автономной Области.

Что из себя в общественном, культурном и экономическом отношеніях представляют современные монголы (пока мы будем говорить о них). До самаго послѣдняго времени социальный состав монголов состоял из 5-ти элементов: во главѣ всѣх монголов стояли князья, дворяне (младшія линии князей), многочисленное и глубоко населеніем почитаемое буддѣйское духовенство, свободные обыватели (хармуд, алба-тунар) и крѣпостные (при дворах князей). Князья — потомки Чингис-Хана в одной Вишней Монголіи насчитывают болѣе 100 княжеских домов. Вся страна была подѣлена между этими княжескими домами. В составѣ духовенства находятся до 45% мужчин всей страны. Князья являются представителями народа, а духовенство представителями его образованности. Духовенство живет в монастырях. Вот что говорит о них знаменитый Г. Н. Потанин: «буддѣйскіе монастыри должны быть признаны важными культурными центрами; сюда стремится все лучшее, что есть в народѣ, все безкорыстное, все ищущее свѣта и правды. Сюда направляются монгольскіе Ломоносовы...» (Г. Н. Потанин — Путешествія по Монголіи, Тибету и Китаю. Изд. II-е. С. Петербург. Изд. А. Ф. Девриена). Духовенство является самой образованной частью монгольскаго народа.

Основная масса населенія — свободные обыватели. Они несут всѣ повинности и подати, налагаемыя государством. Основой народнаго хозяйства Монголіи является скотоводство. Количество его опредѣлялось в послѣднія два десяти разе, начиная от 122-х милліонов и ниже. В 1918 году производилась перепись скота. Трудно сказать насколько это точно, но она в отношеніи Вишней Монголіи дала такія цифры: рогатаго скота — 1.400.000, лошадей — 1.500.000, верблюдов — 300.000 и овец с козами — около 10.000.000, итого 12.700.000.

Монголія может считаться величайшим скотоводческим хозяйством, но оно крайне примитивно и безпомощно. Монголія является поставщиком продуктов скотоводческаго хозяйства. Они вывозятся в Китай и Россію. По послѣдним подсчетам Вишняя Монголія вывозит сырья на сумму до 15.000.000 золотых рублей. В цифрах это выражается так: 100.000 голов рогатаго скота, 100.000 лошадей, 1.000.000 баранов и коз, 3.000 верблюдов, 350.000 пудов бараньей шерсти, 45.000 пудов верблюжьей шерсти, 1.000.000 штук овчины и мерлушки и 130.000 кож скотских и конских.

Несмотря на значительное количество звѣрья, пушныя добывается мало, все же Монго-

ліей доставляется до 500.000 шкурок сурина. (Эти свѣдѣнія взяты из труда М. В. Зайцева — Краткій очерк Монголіи, и И. Майскаго — Современная Монголія.)

Монголы и до настоящаго времени ведут кочевый образ жизни. Удобных для земледѣлія площадей мало. Торговлей монголы не занимаются, ею занимаются китайскіе и русскіе купцы. Особенно эксплотируют монголов китайскіе купцы системой кредита. Можно сказать, что монголы находятся почти под полным экономическим игом китайских купцов.

Проста и примитивна жизнь и хозяйство монголов. Казалось, весь мір измѣнился кругом и лишь м. иголы застыли в той формѣ жизни, какой жили их предки сотни лѣтъ тому назад. На таких основах жизни является чрезвычайно интересным, как монгольскіе культуртрегеры думают развить жизнь монгольскаго народа Монголіи. Нам извѣстны мысли некоторых выдающихся культурных дѣятелей в современной Монголіи, часть их читатель имѣет возможность узнать со страниц настоящаго журнала.

Мы хотим читателя познакомить с мыслями одного из представителей большевистствующей бурятской интеллигенции нѣкоего г. И. Архинцева, давашаго интересную статью в январском номерѣ журнала «Жизнь Национальностей» за 1923-й год — «Бурят-Монгольская Автономная Область». Эти мысли являются типичными для большевистствующей интеллигенции не только бурят-монгольской и потому на них нужно остановить особое вниманіе.

Г. Архинцев говорит о бурятском народѣ как постепенно под вліяніем огромных событій он стал прозрѣвать и пришел к сознательному активному пріятію идей совѣтской власти «октябрьских идей», хотя для этого потребовалась опыты титанической борьбы, тѣмчаш лишений, частичных поражений и величайших конечных побѣд на всем протяженіи послѣдних пяти лѣтъ.» Что говорить, не малые «опыты» продѣлали большевики с народами.

Но автор статьи признается, что «монгольскій бурятскій народ, географически оказавшійся в орбитѣ величайшей пролетарской революціи исторически культурно неподготовленным (как и всѣ народы Россіи. Н. Б.) к пониманію ея значенія, ея социально-классовой природы, неминуемо должен был пройти эти этапы кровавых уроков и испытаний и... продѣлать идейно-политическіе зигзаги.» Будешь дѣлать зигзаги от «величайшей пролетарской революціи!»

Архинцев правильно говорит: «эти этапы зигзаги с необходимостью вытекали из объективных условій народнаго бытія и прежде всего из того факта, что бурятскій народ был востигнут пролетарской революціей до развитія него капиталистической культуры.»

Так. Но эти «этапы-зигзаги» — ничто иное как крайнія попытки исчерпать всѣ средства народной борьбы с той безграничной провокаціей и предательством, которая под предлогом и формой «величайшей пролетарской революціи», господа большевики продѣлали над всѣми народами Россійскаго Государства. Бурятскій народ в Сибири был одним из культурных богатых. Он был гораздо культурнѣе и богаче

всѣх монгольских, тунгусских и алтайских народов. У него была интеллигенція. В ея составѣ были и есть весьма замѣчательные дѣятели, еще в 50-х годах прошлаго столѣтія среди ученаго міра востоковѣдов славился замѣчательный ученый Дорджи Банзаров.

И тѣм не менѣе Архинчеев говорит о неподготовленности бурят «исторически и культурно.» Да, борьба с совѣтской властью вытекала «с необходимостью из объективных условий народнаго быта», именно «народнаго быта», народнаго міроощущенія, міропониманія.

Какія задачи ставятся «пріобщенным к бурному потоку революціоннаго движенія пролетаріата» бурятским народом?

«Революціонная общественность автономной Бурятіи отправным пунктом своей творческой дѣятельности, наряду с мѣропріятіями по возстановленію народнаго хозяйства (разрушеннаго по почину самих большевиков. Это называлось борьбой с капиталом, «кулацко-ростовщическим» элементом». *Н. Б.*) ставит во всей широтѣ задачи просвѣщенія своего народа».

Нам остается всячески привѣтствовать эти начала «революціонной общественности автономной Бурятіи», хотя этими же задачами занималась и не «революціонная» бурятская общественность и с давних пор. Правда, теперь вопрос просвѣщенія для монгольских племен, как и для всѣх других народов, принимает особенный характер, принимает особенно жизненное значеніе. Многіе это толкуют, как плод «революціоннаго» сознанія народа.

Напримѣр, г. Насунов в том же номерѣ журнала, гдѣ помѣщена разбираемая статья, похваляется, как калмыцкій народ двинулся вперед по пути просвѣщенія потому, что так благодѣтельна совѣтская власть. Наивная вещь. Все дѣло в том, что совѣтской властью, большевизмом поставленные на край культурно-экономической гибели, находясь на краю пропасти, народы по инстинкту самосохраненія, как за якорь спасенія, судорожно хватаются за образованіе. Как орудіе самозащиты, как мостик к возможно квалифицированному труду, чтобы легче и скорѣе возстановить хозяйство и выйти из нищенскаго состоянія, к коему привел большевизм, *всѣ* народы кинулись к всевозможному образованію. Мало того, образованіе в силу своей природы является орудіем борьбы с самим большевизмом, с безправіем, произволом и хозяйственной анархіей самой совѣтской власти. Инстинкт жизни не обманывает народов.

Архинчеев продолжает: «проблема просвѣщенія в широком смыслѣ слова в условіях современной Бурятіи пріобрѣтает значеніе центрального вопроса. Это обстоятельство объективно вытекает из того основнаго положенія, что перед бурятским народом выдвигается задача — *пріобщиться к началам новой коллективистической культуры, минуя стадію капиталистическаго развитія и стать культурным авангардом среди восточно-монгольских племен, носителем и проводником революціонных идей нашего времени, прежде всего в Монголіи*» (курсив Архинчеева. *Н. Б.*)

Это называется «начать за здравіе и кончить за упокой». Бурятскій народ, поскольку г. Архинчеев правильно толкует, принимает на себя

задачу не только миновать капиталистическую культуру, «пріобщаясь к началам коллективистической культуры», но эту великую миссію обѣщает проводить и в отношеніи «восточно-монгольских племен» и «прежде всего Монголіи».

Не поздравляем наших братьев и прежде всего Монголію. Не плохо, даже благородно «стать культурным авангардом восточно-монгольских племен», но избави их Боже от большевицких утопистов и «проводников революціонных идей нашего времени».

Но Архинчеев говорит: «значеніе бурятской интеллигенціи в политической жизни Монголіи огромно: нарревправительство, нарревпартія, нарревармія независимой Монголіи в своем идейном руководителем составѣ имѣет неизмѣнно и бурят-монгол. Наконец, послѣдніе участвуют в нарождающемся юношеском движеніи в Монголіи и являются его идейными руководителями».

Мы привѣтствуем культурное и политическое участіе братской бурятской интеллигенціи в жизни молодого независимаго Монгольскаго государства, но не можем не выразить крайняго сожалѣнія и тревоги, если та часть бурятской интеллигенціи, к которой принадлежит Архинчеев, примется культивировать идеи во всѣх отношеніях обанкротившихся в Россіи и во всем культурном человѣчествѣ большевиков. Монголы душой чистый, прекрасный народ, еще молодой и дѣвственный, однажды міру показавшій, какія силы таятся в нем. Но горе ему, если аморальный, безпринципный яд большевизма попадет в его душу: тогда никогда ему не подняться и постепенно он растворится в надвигающихся из него со стороны сильных стихіях. Г. Архинчеев знает или чувствует, как разрушительно дѣйствует большевицкая стихія, недаром она выросла на почвѣ дикой и разрушительной дезертирствующей солдатской стихіи и бунтующаго русскаго крестьянства, всякій свой протест выражающаго в разрушеніи ненужном, жестоком и беземысленном.

В предвидѣніи такого разрушительнаго дѣйствія со стороны «революціонных идей нашего времени» (понимай большевицких. *Н. Б.*) автор разбираемой статьи и говорит: «передовая бурятская общественность считает, что грядущая коллективистическая культура, вырастающая на наших глазах из развалин капиталистическаго строя (как и прогноз большевицко-коммунистических знахарей, так и прогноз и представленіе Архинчеева сильно преувеличены. *Н. Б.*) силою своей поступательной инерціи проникает в жизнь малых отсталых народов разрушительно-созидательной (увы, только разрушительной. *Н. Б.*) стихіей, произведет рѣшительную ломку старых устоев народной жизни, насадит новыя формы производственных отношеній, не считаясь часто с неподготовленностью к этому малых народов».

Сколько обычной большевицкой фразеологіи во всѣх этих словах Архинчеева и глубокаго внутренняго противорѣчія. Полагаем, что по десятилѣтію власти большевиков революціонное кишѣніе автора сильно охладилось, нужно думать, что властное требованіе жизни значи-

тельно вернуло и революционную бурятскую общественность к трезвой действительности.

Капиталистический строй не развалился, мировая революция не удалась решительно, ибо никаких новых «производственных» отношений, за исключением грабежей, создать большевики оказались неспособны.

Нет сомнений, что великое прошлое монголов и сила, которая дала им возможность возстановить свою независимость после стольких

лёт подданства другому народу, высокие моральные и умственные качества, которые им присущи, дадут им силу идти своим самостоятельным историческим путем, не боясь растрепанного и облинялого «красного знамени Октября», которое от имени бурятского «трудового» народа и бурятской революционной общественности собирается понести к своим братьям-монголам и монгольским племенам г. И. Архинчев.

Нарна Багма.

Из истории возрождения Чехии.

В истории духовного и политического возрождения народов всегда бывают такие имена и даты, которые приносятся благодарным потомством с благоговением и чувством глубокой признательности. Эти имена и даты, являющиеся историческими, служат предметами национальной гордости народа, сумевшего защитить свою самостоятельность и независимое развитие.

Калмыцкая молодежь, обучающаяся в Чехословакии, хорошо знает чем является день 28 октября для каждого чеха и словака, но и сожалению немногим из нас известно — в результате каких запросов и потребностей, чьих усилий и забот явилась эта дата, дата провозглашения независимости чехословацкого народа.

Чтобы правильно оценить события наших дней, необходимо ознакомиться с его историей, ибо то, что нам, современникам, кажется теперь ясным и совершенно понятным в свое время было покрыто мраком неопределенности и возможность осуществления этого вопроса являлась только завятой мечтой немногих отдельных лиц.

Чешское возрождение, начавшееся с защиты приходившего в упадок родного языка, богато славными именами, разсмотрение деятельности коих и составляет предмет настоящей статьи.

Ряды бойцов, вышедших на поле благородного соревнования в деле защиты прав попираемого народного достоинства положительно поражают, как своей густой и согласной сомкнутостью, так и редкими по высотам дарованиями.

В ряду славных патриотических будителей чешского национального возрождения по праву занимает одно из почетных мест Франтишек Палацкий, справедливо именуемый потомством отцом чешского народа. Будучи выдающимся ученым и обладая редкой эрудицией он всю свою жизнь стремился своими популярными трактатами и научными исследованиями пробудить у чехов самосознание и любовь к родному языку, культуре и великой славе его минувшего.

Ф. Палацкий родился 14 июня 1798 г. в местечке Годеславинах на Моравии, в незнатной, провинциальной семье. Образование он получил в Пресбургском духовном лицее, славившемся в то время одним из лучших учебных заведений. Отличаясь от природы крайней любознательностью, Палацкий рано стал увлекаться литературой и философией, в особенности Кантом, влияние которого заставило его окончательно распрощаться с своей первоначальной мыслью о духовной (священнической) карьере. По окончании Лицея он определился репетитором детей в венгерскую аристократическую семью. Это обстоятельство дало ему значительный досуг и удобную обстановку для работы его мыслей.

Большое впечатление на него, как и на его друга Шафаржика произвел «Разговор о чешском языке» Юнгмана, в значительной степени определивший направление его последующей деятельности. Это была знаменитая статья большого чешского патриота, напечатанная в журнале «Чешский Вестник» в 1806 г., где автор искренно скорбел об оплывании родного языка и горячо призывал всех патриотически мыслящих чехов серьезно прилечь за изучение своего языка и истории, не зная которых совершенно не мыслимо продуктивно работать на ниве возрождения своей нации.

Писать Палацкий начал еще во времена своего пребывания в Лицее, но обратил на себя внимание общества лишь в 1817 г. переводом на чешский язык нескольких

стихов из «Оссiana» и в 1818 году книжкой «Начало чешской поэзии», составленной им вместе с Шафаржиком при деятельном участии Юнгмана. Эта маленькая книжка являлась лучшей иллюстрацией необыкновенной художественной красоты и жизненной силы, какими была исполнена чешская народная словесность.

В 1823 году Палацкий поселился в Прагу, где тотчас же ему пришлось стать во главе начавшегося чешского национального движения. Он является одним из основателей Чешского Музея и чешской матицы — ученого общества, поставившего себе целью разработку своего языка и литературы, а равно издание научных, написанных на чешском языке. Ф. Палацкий, обладавший высокими качествами рядового бойца, а именно: решимостью и упорством, меньше других был способен к отчаянию и всячески старался оживить только что созданный с большими усилиями Музей. Он хотел придать ему нравственное руководство умами и создать для этого обзорные, которое печатало бы чешские и немецкие произведения. Осуществимость подобных мыслей вызвала большие сомнения в кругу его близких друзей, ибо по их мнению было уже поздно бороться против вторжения иностранцев и стараться осилить непреодолимый поток.

Это была тяжелая пора в жизни чешского народа, когда основоположник славяноведения Иосиф Добровский в размышлениях найти выхода из современного ему положения, приходил в отчаяние и писал Коллару: «Если Бог не придет нам на помощь, мы пропали». «Конечно — отвечал Палацкий — если мы пойдем по стопам ученых, которые не писали никогда иначе, как по-немецки, то наш народ должен погибнуть от духовного голода. А я, будь я даже цыганского рода, притом последним его представителем, я считал бы своим долгом работать изо всех сил, только чтобы оставить хорошее о нем воспоминание в истории человечества».

Его настроения побуждали сомнения, и в 1827 году вышел под редакцией Палацкого первый номер «Журнала Чешского Музея», который впоследствии стал одним из важнейших органов по изучению истории и литературы Чехии. Ф. Палацкий основывает, ведет или хотя бы вдохновляет все самые важные литературные и исторические предприятия — «чешский архив» — журнал археологических и научных исследований, чешскую энциклопедию (Český slovník naučný). Все это делается в условиях недостаточной материальной обеспеченности, ибо первоначально он жил в Праге случайными заработками (имел частные уроки), а затем служил архивариусом графов Штернбергов, по заказу которых написал историю их рода. Однако, следует отметить, что в своей деятельности исключительной по напряженности и полной привлекательности Ф. Палацкий не был одинок. Несмотря ни на что, сквозь все бедствия и испытания, в самой глубине души своей летел Шафаржик светлым образом будущего. Еще в пору своей ранней молодости, будущий автор нашумевшего в свое время труда «Славянской этнографии» писал Палацкому: «не все потеряно, жив Бог на небе, который рано или поздно увенчает успехом труды своих избранных сынов. Даже, если все лишь сон и обман, — не все ли равно. И если мы все умрем, подобно отцам нашим, ничего не добившись, то все же мы умрем за идею, а ничто так не прославляет человека, как уметь умереть за нее». И вот эта нравственная устойчивость, позволяющая людям искать спасения в рабстве».